

Охвативший мир финансово – экономический кризис в определенной степени влечет за собой кризис сформировавшихся представлений о глобализации. На пороге XXI века Россию потрясли события, кардинальным образом изменившие ее облик, размеры, уровень жизни и даже психологию людей. Произошли серьезные перемены и во внешней политике. Среди многообразия вопросов, стоящих перед новой Россией, особое место заняли отношения с Японией. Сложная история двусторонних межгосударственных связей, система геопсихологических отношений Восток — Запад и обилие мифов привели к тому, что сегодня Япония для России во многом еще символ и образ. Часто этот образ имеет мало общего с оригиналом. Как и сто лет назад, сейчас наиболее популярна в России та Япония, которой не существует. Это не имело бы особого значения, если бы так часто не налагало отпечаток на серьезные проблемы, стоящие перед нашими странами. Кто и как формирует образ Японии? Насколько реальна та Япония, которую представляют себе в России, существует ли она вообще?

Об особенностях развития Японии, своеобразии японской деловой этики, о своем видении модернизации в Японии, организации крупного бизнеса и банковского сектора в интервью Александру Агееву рассказал профессор Ниигатского университета менеджмента (Япония), автор бестселлера «Asia's Turning Point», представитель ИМЭМО РАН в Японии Иван Сергеевич Целищев.

Японская экономика переживает не лучшие времена

Как бы Вы определили главные тенденции развития экономики Японии с момента окончания «азиатского кризиса» 1997–1998 годов до первого десятилетия нынешнего века?

Азиатский кризис сам по себе впрямую Японию не затронул, хотя конец 1990-х оказался самым худшим периодом в ее послевоенной экономической истории. Действительно крупной перелом — резкий переход от самых высоких среди развитых стран темпов роста к едва ли не самым низким — произошел в самом начале 1990-х, когда лопнул пресловутый финансовый пузырь. Медленный рост, когда 2 процента годового прироста ВВП уже считается большим достижением, и есть, пожалуй, главная тенденция этого нового этапа. Накопленная производственно-технологическая и финансовая мощь страны огромна, и эта мощь «работает». Однако динамика утеряна. Вопрос в том, удастся ли ее вернуть, и если да, то в какой степени. На мой взгляд, 2 процента среднегодового прироста — это максимум возможного.

Я выделяю шесть «суперпроблем» сегодняшней японской экономики.

Первая — сокращение численности населения на фоне его быстрого старения.

Вторая — государственный долг, достигший почти 250 процентов ВВП; это намного больше, чем в любой другой развитой стране (включая Грецию).

Третья — упадок в экономике большинства «провинциальных» районов страны, то есть по сути всех районов, кроме Токио и группы соседних префектур, Нагоя, района Кансай (Осака — Кобе — Киото) и, возможно, Фукуока на юге.

Четвертая — все более значительный вынос производства

японских компаний за рубеж, притом что прямые инвестиции зарубежных компаний в Японию до смешного малы.

Пятая — падение реальных доходов населения, причем тенденция усиливается, поскольку правительство и Банк Японии раскручивают инфляцию.

И наконец, шестая и очень старая проблема — низкая по международным меркам произво-

Но. Роль государства и характер отраслевой политики меняются. В тенденции рынка становится «больше» — везде, в том числе в Китае.

В своей книге «Asia's Turning Point» я попытался сформулировать основные направления перемен. Получилось так.

Во-первых, сохраняя отраслевую политику, государство одновременно все больше поощряет

дительность труда в сельском хозяйстве, во многих отраслях услуг и даже в целом ряде секторов обрабатывающей промышленности. Она особо не решает, и это очень мешает.

Как Вы считаете, восточноазиатская экономическая модель — ключевая роль государства, его отраслевой политики и патерналистские трудовые отношения — актуальна и поныне или стала достоянием прошлого?

Безусловно, актуальна. Начнем с государства. Бросьте взгляд на Китай — и этого уже достаточно. А есть еще Южная Корея, Сингапур, Малайзия, Индонезия и т.д. Да и Япония сейчас вновь усиливает господдержку отраслей-лидеров.

конкуренцию и заставляет частные (а также и государственные) компании больше опираться на собственные силы. Протекционизм как средство этой политики используется значительно меньше, чем раньше.

Далее, государство в меньшей степени, чем раньше, прибегает к прямой финансовой поддержке компаний и отраслей и больше сосредоточивает усилия на предоставлении информации, консультировании, координационных функциях — в частности, для развития эффективных межфирменных связей и формирования кластеров.

Во-вторых, если раньше отраслевая политика была направ-

лена прежде всего на поддержку роста производства, то сегодня круг ее задач значительно шире. Здесь и решение проблем окружающей среды, и борьба с избыточными производственными мощностями (особенно в Китае), и, конечно, поощрение инноваций и производства продукции с высокой долей добавленной стоимости.

Патерналистские трудовые отношения также не могут исчезнуть в одно мгновение. Они есть. Но опять же в целом растет роль и вес «чисто» рыночно-контрактных отношений. Это проявляется, в частности, в заметном росте доли, так сказать, непостоянных работников (временных, работающих ограниченный срок по контракту и т.д.). В Японии доля таковых дошла, по последним данным, до 37,5%. Для них никакого патернализма не существует.

При всей схожести послевоенного развития модернизация в Японии и Южной Корее имела существенные различия. Какие, на Ваш взгляд?

В Японии в послевоенный период все время была и есть демократия, а в Южной Корее до начала 1990-х была «диктатура во имя развития». Соответственно, и уровень централизации управления южнокорейской экономикой был выше. В Южной Корее государство больше командовало бизнесом, в Японии — направляло его и «подсказывало», используя экономические рычаги и мягкое административное руководство. В Японии можно было ослушаться государство, в Корее — вряд ли.

Другое большое отличие состоит в том, что в Корее модернизация в основном замкнулась на крупный бизнес — несколько десятков чеболей, а в Японии сформировался и широкий круг конкурентоспособных и технологически передовых малых и средних фирм.

Только эти две страны и, может быть, еще Тайвань смогли создать, даже вытеснить крупные промышленные компании, способные конкурировать на мировом рынке по широкому кругу отраслей. Почему это удалось в Японии и Южной Корее и не получилось в других странах? В чем именно заключались основные отличия?

Вы имеете в виду: в других странах, не считая Китая?

В Японии государство формулировало концепции, задавало ориентиры, создавало финансово-экономические стимулы для того, чтобы частный бизнес действовал в русле его политики.

Дальше, если речь вести о Восточной Азии, остаются только страны ЮВА. Сингапур слишком мал, хотя и имеет ряд очень сильных промышленных компаний — своих, без иностранного капитала. Остальные уступают тем, кого Вы назвали, и по имеющимся в распоряжении кадрам, и по уровню развития системы образования, и по способности накапливать и инвестировать капитал.

Вместе с тем я бы и о них не сказал «не получилось». Пусть круг отраслей у них и поуже, их индустриализация продвинулась очень даже далеко — безусловно, при решающей роли иностранного капитала. Например, сегодняшний Таиланд с его автомобильной промышленностью — это Восточный Детройт. И там не только собирают автомобили, но и производят ключевые детали и компоненты, причем производят свои, «чисто тайские» фирмы. А спрос на автомобили, экспортируемые из Индонезии, вдруг так пошел вверх, что производителям стало за ним не угнаться. Индонезийские производители — это, естественно, прежде всего дочка японских компаний.

Если выйти за пределы Восточной Азии, то, конечно же, надо говорить об Индии. Она в экспортно ориентированной индустриализации подотстала, но сейчас явно начинает наверстывать упущенное.

Как в этих странах удалось мобилизовать на модернизацию национальные элиты?

Да я бы сказал, что у них так вопрос не стоял. Элиты были

«всегда готовы». У них просто не было иного выбора. Богатых природных ресурсов у этих стран нет, как и особо плодородных земель. В Японии ядро послевоенной бизнес-элиты составили наемные менеджеры, для них каждодневный труд в компаниях и означал работу во благо модернизации страны. Работали они с огромным энтузиазмом и еще трудно сказать, кто кого больше мобилизовывал. Скажем, в первые послевоенные годы в высоких и не очень высоких правительственных кругах «было мнение», что автомобильную промышленность стране лучше не создавать — слишком призрачны шансы на успех. А бизнес-элита рассудила иначе и «потянула» за собой государство. Ну а в Корее бизнес-элита — это прежде всего основатели чеболей. Для этой страны модернизация и рост чеболей — почти синонимы. Они (основатели) отлично сработались с Пак Чжон-хи и его последователями. Военный режим помогал чеболям быстро вставать на ноги, чеболи создавали экономическую основу власти военного режима... пока не пришла демократия.

Как бы Вы оценили роль государства в процессах модернизации?
В Японии государство формулировало концепции, задавало ориентиры, создавало финансово-экономические стимулы для того, чтобы частный бизнес действовал в русле его политики.

В Южной Корее оно было явным лидером процесса модернизации, зачастую указывая частному бизнесу, «что делать». Кредитно-финансовая сфера была фактически целиком поставлена под государственный контроль. Вместе с тем даже во времена самой сильной централизации государство и на словах, и на деле следовало идее о том, что основную роль в экономике и в процессе модернизации должен играть частнопредпринимательский сектор.

Со временем уровень государственного вмешательства снижался, особенно с начала 1980-х в Японии, когда администрация Накасонэ развернула крупные структурные реформы, и с начала 1990-х в Южной Корее, когда на смену военному режиму пришла демократия.

Если сравнить крупный бизнес, созданный в результате модернизации в Японии и Южной Корее, — это сходные явления или разные?

В Японии он и раньше был. Послевоенные реформы однако коренным образом изменили его структуру. На смену финансово-олигархическим группам дзайбацу, на вершине которых находились семейные холдинги, пришли как бы горизонтально интегрированные межфирменные группы, построенные на перекрестном владении акциями и тесных деловых связях между составляющими их фирмами. Дзайбацу были распущены, холдинги запрещены. Родился корпоративный капитализм «без капиталистов» (пусть такое определение и несколько утрировано), где главные соб-

ственники акций — это корпорации, юридические лица, а главные действующие лица — наемные менеджеры. В Корее же чеболи были созданы конкретными людьми — гигантами мира предпринимательства и полностью контролировались ими и их семьями. И этот контроль сохраняется до сих пор, хотя сегодня и приходится думать о механизмах корпоративного управления, учете интересов внешних акционеров и т.д.

В этом основное и принципиальное различие японского и корейского крупного бизнеса. Корейские чеболи — это те же дзайбацу. Кстати, эти два слова пишутся одинаковыми иероглифами. В Японии дзайбацу нет — их ликвидировали сразу после войны.

В последнее время снова растет интерес к японской экономической модели — особенно модели периода быстрого роста (середина 1950-х — начало 1970-х годов). Как Вы думаете, почему?

Честно говоря, я этого особо не замечаю. Тем не менее я по-прежнему считаю, что многие развивающиеся страны — и в Азии, и за ее пределами — могут немало почерпнуть из японского опыта, творчески задействовать определенные элементы японской политики стимулирования модернизации и экономического роста. Особенно интересна японская система государственных инвестиций и займов.

Но пытаться «повторять» Японию нет смысла. Да и времена другие. Сегодня развивающиеся страны не могут расти без активного привлечения прямых зарубежных инвестиций. Япония этого не делала. Только сейчас начинает пытаться.

Вы помните свой первый день в Японии? Какие чувства испытывали?

Да, конечно. Май 1977-го. Начало стажировки в Университете

Токай. Проснулись, пошли хлеба-молока купить. Самая обычная улочка небольшого японского городка. «Настоящие» японские дома, в конце улицы — синтоистский храм с небольшим садиком, дальше дорога в горку — она выводила к мандариновым плантациям. Испытывал ощущение восторга-сенсации от того, что все это раньше рисовал в воображении, а сейчас вижу вживую. И еще поразило, что, когда в небольшом магазинчике купили хлеб и еще какую-то еду, продавец сказал «аригатогозаймашита» — «спасибо». Тогда думали, что ослышались.

Всеволод Овчинников так писал о японском искусстве: «Японское искусство подобно напитку, который народ издавна готовит сам по собственным и неизменным рецептам, порой перенимая из-за рубежа лишь форму посуды». Как Вы думаете, у японцев есть иммунитет к глобализационным процессам?

«Ветка сакуры» — великая книга. Есть японцы очень «глобализированные». Их однако меньшинство.

В большинстве случаев глобализация воспринимается нелегко, часто со скрипом, но растет понимание того, что от нее не уйти и, более того, что «без нее нельзя». Интерес к изучению английского языка велик как никогда, хотя результаты пока не очень впечатляют.

А «японские рецепты» — в самом широком смысле слова, конечно, — останутся во главе угла. Не только в искусстве и в напитках.

Кстати говоря, приходит понимание того, что многие из них можно и экспортировать. Японская экономика переживает нелучшие времена, а интерес к японской культуре, кухне, моде и т.д. резко возрастает едва ли не по всему миру.

Девиз «меньше работать — больше отдыхать» плохо при-

живается в Стране восходящего солнца. Еще в 1970 году Япония ратифицировала конвенцию Международной организации труда о том, что каждому труженику ежегодно гарантируется трехнедельный оплаченный отпуск. На деле это обязательство выполняется?

Стандарт для японского наемного служащего — это две недели. (Случается, что и они целиком не используются.) Про конвенцию эту, честно говоря, здесь никто особенно не вспоминает. Но справедливости ради надо сказать, что в Японии много праздников и, если постараться, можно скомпановать себе второй мини-отпуск.

Япония стала первой азиатской страной, вырвавшейся в число мировых лидеров. Ее успешная модель догоняющего развития на несколько десятилетий стала образцом для новых индустриальных стран Азии первой, а затем и второй волны. В XXI веке мы становимся свидетелями и участниками эпохальных событий: мировой социально-экономический, политический, культурный ландшафт непрерывно меняется. Какое же место занимает японская экономика в мировом производстве товаров и услуг сейчас?

Доля Японии в мировом ВВП снижается и весьма существенно. Скажем, в 1990 году, когда японская экономика была на коне, она составляла 13,8%, а в прошлом году — уже только 5,9%. К тому же сейчас Япония оказалась едва ли не единственной развитой страной, которая имеет дефицит во внешней торговле и товарами, и услугами.

Но международные позиции в целом ряде ключевых отраслей промышленности по-прежнему очень сильны: например, робототехника, ряд материалопроизводящих отраслей (скажем, углеродное волокно), электронные детали и компоненты, стан-

костроение. Ну и, конечно, автомобилестроение.

Новые суперуспешные японские компании появляются не только в промышленности, но и в сфере услуг. К примеру, новый мировой розничный гигант «Ферст Ритейлинг» («Юникло»). Без громадных магазинов «Юникло» уже невозможно представить ни Лондон, ни Париж, ни Москву. Или «Ракутен» — лидер в области интернет-торговли.

Каково реальное соотношение экономических потенциалов и уровней социально-экономической развития в Восточной Азии? Какую роль будет играть Япония в Восточной Азии?

Китай обошел Японию по номинальному ВВП в 2010 году, а в 2014-м его экономика была уже более чем вдвое больше японской: 10,4 триллиона и 4,6 триллиона долларов соответственно. Разрыв растет быстро. К 2030 году, по моим расчетам, превышение будет как минимум в шесть раз. Индийская экономика (2,1 триллиона) сегодня составляет чуть меньше половины японской, а южнокорейская (1,4 триллиона) — две трети индийской. Скоро в клуб «триллионеров» войдет и Индонезия (0,9 триллиона).

Если пересчитывать в доллары по паритетах покупательной способности, то нынешний китайский ВВП будет вчетверо больше японского. Индия также окажется впереди Японии, а Индонезия впереди Южной Кореи.

Япония, конечно, сохраняет преимущество в высокотехнологичных отраслях. Производительность труда у японского работника в среднем в 7 раз выше, чем у китайского, но разрыв быстро сокращается.

Наиболее обобщенный показатель уровня развития — ВВП на душу населения, хотя поль-

Производительность труда у японского работника в среднем в 7 раз выше, чем у китайского, но разрыв быстро сокращается.

зоваться им надо с осторожностью. В частности, малым странам его, как правило, увеличивать легче, чем крупным. Здесь, если не считать Макао, бесспорный лидер — Сингапур: 56 000 долларов в 2014 году. И, в общем, он это лидерство заслужил. Далее идут Бруней и Гонконг — чуть больше 40 000 долларов, Япония — 36 000 и Южная Корея — 28 000 долларов. Из развивающихся стран впереди всех Малайзия — 11 000 долларов. Ее цель — достичь уровня развитых стран к 2020 году, но простые прогнозные расчеты показывают, что это вряд ли получится (я говорил об этом, когда там выступал, в том числе и для печати — никто не возражал). А далее идет Китай — 7500 долларов, недавно обошедший Таиланд. Учитывая то, что я говорил выше о взаимосвязи роста душевого ВВП и численности населения, это уже сейчас можно назвать очень большим успехом.

Япония на обозримую перспективу останется главным технологическим центром Восточной Азии, одним из ее ведущих кредиторов и инвесторов и, кроме того, сыграет роль одного из ведущих интеграторов региона. Кстати говоря, согласованный формат Восточноазиатской зоны свободной торговли: АСЕАН плюс шесть (Япония, Китай, Южная Корея, Индия, Австралия, Новая Зеландия) — это вариант, который отстаивала именно Япония. Пекин пошел на уступки: он бы предпочел АСЕАН плюс три — без трех последних участников.

Почти два года прошло с момента запуска в Японии так называемой Абэномики — програм-

мы по восстановлению экономики, состоящей из «трех стрел». Большинство японских чиновников продолжают говорить об умеренном восстановлении, но что же происходит на самом деле? Каковы перспективы Абэномики?

Пусть эти заявления останутся на совести тех, кто их делает. В 2014 финансовом году был отрицательный рост. Два квартала подряд ВВП падал — согласно общепринятому в мире определению это означает рецессию. В нынешнем году — та же картина. Умеренное восстановление — это сказка какая-то.

Безусловно, премьер-министр Абэ заслуживает уважения за то, что (и за то, как) он инициировал свой пакет экономических мер. Абэномика пробудила страну от экономической спячки, породила у экономических субъектов веру в (или хотя бы надежду на) сильное политическое лидерство. За короткий срок в лучшую сторону изменился настрой и инвесторов, и производителей, и потребите-

лей. Психологический фактор в экономике очень важен. Именно этот настрой, эти надежды сыграли решающую роль в том, что в 2013 финансовом году — это первый год Абэномики — реальный рост составил 2,1%. Создавался такой положительный настрой прежде всего посредством проинфляционной макроэкономической политики — осуществляемой с большой помпой накачки экономики наличностью и наращивания государственных расходов, несмотря на огромный госдолг. Это и есть соответственно так называемые первая и вторая стрелы Абэномики (в сентябре 2015 г. премьер-министр решил стрелы поменять. Новые три стрелы — это «сильная эконо-

Но... недолго музыка играла. В апреле 2014 года был повышен с 5 до 8 процентов потребительский налог, и личное потребление ушло в штопор. Внутренние инвестиции тоже вялые. В итоге рецессия и падение ВВП за год — на 1 процент. Лучшее, на что может рассчитывать японская экономика сейчас, — это рост на 1 процент с небольшим. В 2017 году, когда потребналог повысят еще раз, рост будет скорее всего нулевым или отрицательным. Иначе говоря, к динамизации японской экономики Абэномика не привела. Причина в том, что в отличие от первых двух ее третью «стрелу» — стратегию роста, в основе которой лежат дерегулиро-

blems уменьшения и старения населения, ни проблемы упадка большинства региональных или, как здесь говорят, «провинциальных» экономик. И последнее. Первые две стрелы без работающей третьей даже опасны, потому что раскручивание инфляции ведет к снижению реальных доходов населения. Рост номинальной зарплаты — даже там, где он есть: прежде всего в крупных компаниях — отстает от роста цен, особенно на продукты питания. Попытки же кабинета оказать политическое давление на бизнес, чтобы заставить его повышать зарплату, выглядят почти комично.

Об Абэномике сегодня говорят уже меньше, чем вчера. Эйфория проходит.

Явления экономического «чуда», которыми богат АТР, постепенно сменяются обвинениями в серьезном структурном дисбалансе и искажении экономической политики. Правомерно ли говорить о некоторой «институциональной утомленности» японской экономики, о ее институциональных слабостях?

Безусловно. Сложившаяся в послевоенные десятилетия японская модель меняется, но медленно и при сохранении в том или ином виде многих традиционных элементов. Иногда это «хорошо» — например, когда компании стремятся все-таки сохранить костяк работников, на которых де-факто распространяется принцип длительного найма, и проводят в жизнь долгосрочную стратегию развития человеческого ресурса. Но часто это бывает и «плохо»: возьмите, например, слабое корпоративное управление, длительные и часто малоэффективные процедуры принятия решений, долговременные межфирменные деловые связи, которые стремятся сохранять даже тогда, когда установление отношений с новым партнером

мика», повышение рождаемости и создание надежной системы социального страхования. Популизмом попахивает). В результате курсы акций пошли вверх, а владеющие акциями семьи (они составляют порядка 20% от всех японских семей) стали увеличивать расходы на потребление — в том числе дорогих товаров и услуг. Далее, резкое падение курса иены, косвенно связанное с проинфляционной политикой, оказало благотворное влияние на компании-экспортеры.

вание и структурные реформы, толком не выпустили. Не хватило у стрелка силенок. Все делается в слишком малых масштабах и слишком медленным темпом. А значит, низкопроизводительные сектора и предприятия по-прежнему тянут экономику вниз, а ведущие компании все больше переносят производство за рубеж. Прямые же инвестиции из-за рубежа ничтожны — в среднем где-то 6 миллиардов в год брутто. В этой ситуации не просматривается убедительных решений ни про-

Фото: Фотобанк Лори / PantherMedia

было бы экономически эффективнее. Мир японского бизнеса по-прежнему не воспринимает ни поглощений компаний вопреки воле действующего менеджмента, ни действительно независимых директоров. Список можно продолжать.

Суперпроблема — это сохранение шлейфа низкопроизводительных отраслей и предприятий — особенно в аграрном секторе и сфере услуг, но также и в ряде отраслей промышленности. Низкопроизводительных, но подчас весьма политически крикливых.

К динамизации японской экономики Абэномика не привела.

«Кароси», «харакири» и «самурай» — эти три слова имеют смысловую связь. Правоммерно ли говорить о том, что именно культ верности, присущий самурайскому кодексу чести, пронизывает трудовые отношения в Японии?

Не думаю. Да и «кароси», с одной стороны, и «харакири» и «самурай» с другой — это понятия разного порядка, разного «цвета». От перегрузок на работе умирали совсем не потому, что превыше всего ставили кодекс чести и верность кому-то или чему-то.

Были и есть определенная этика и принципы, в том числе неписанные, японских трудовых отношений, сформировавшиеся, кстати, в послевоенный период, когда самураев уже не было. Сдругой стороны, сейчас эти отношения в целом все больше переходят на контрактно-рыночную основу, особенно для «непостоянных» работников, а они уже, как я говорил, составляют почти 40% японской «армии труда».

Какие геополитические последствия имеет вхождение Японии на российский Дальний Восток

помимо явных экономических преимуществ?

Это вхождение растет, но очень понемногу, постепенно, без резких скачков. Возможно и желательно и побыстрее, и побольше. Естественно, в геополитическом отношении желательное сбалансированное развитие отношений Дальнего Востока со всеми основными региональными игроками: Японией, Китаем, Южной Кореей. Геополитически, если наблюдается резкое усиление позиций — в регионе или в мире в целом — одной крупной или сверхкрупной страны, необходимо «баланси-

ровать» его, активно расширяя отношения с другими ведущими игроками. Важно и то, какие ценности каждая страна исповедует и как ведет себя на международной арене.

В какой мере Россия нуждается в японском присутствии для противодействия растущему влиянию Китая в этом регионе?

Сильная Япония, без «комплексов», которая и в области обороны может позволить себе делать то же, что другие страны, — это нормально и желательно для поддержания геополитического равновесия в регионе. В конечном итоге это нужно и России.

Что в Японии не перестает Вас удивлять до сих пор?

Пожалуй, способность людей сдерживать эмоции, особенно отрицательные, даже если испытываемый стресс очень силен. Можно буквально по пальцам пересчитать случаи, когда я видел, чтобы японец срывался на крик или возникала ссора. А если складывается ситуация, когда, что называется, «плакать хочется», то японцы часто первым делом смеются: защитная реакция. ■

ПЭС 15119/22.09.2015